

Глава 23. На борту

Этим же вечером Цзинь Цин и Элвис поднялись на борт космического корабля, державшего курс к Земле. Прямого пространственного перехода не существовало, поэтому путь от их планеты до колыбели человечества должен был занять долгие двадцать четыре часа.

Округлый корпус судна покрывала матовая угольно-черная оболочка. В ночной глуши издалека его легко можно было принять за часть первозданной тьмы космоса.

Сегодня Земля оставалась одной из самых знаменитых туристических достопримечательностей. Однако из-за её крайней «хрупкости» массовое паломничество было под строжайшим запретом, а Транспортное управление Федерации не решалось прокладывать гиперпространственные коридоры в этой части Галактики Млечный Путь. С планеты Цзинь Цина туда отправлялось всего три рейса в сутки, и раздобыть билеты казалось задачей почти невыполнимой. Лишь благодаря всемогущему Картеру, личному ассистенту Элвиса, юноше удалось занять место на борту. Выбирать условия не приходилось — Цзинь Цин был рад любой возможности.

Услышав, что летит на Землю, Цзинь Цин пришел в неописуемый восторг. Предупреждения Картера о возможных неудобствах он попросту пропустил мимо ушей. В конце концов, в далеком двадцать первом веке люди сутками ехали стоя в переполненных поездах, лишь бы добраться домой на праздники. На фоне этих воспоминаний двадцать четыре часа в космосе казались сущим пустяком.

Пребывая в благостном расположении духа, он вслед за Вселенским богом Элвисом переступил порог корабля, вошел в их «двухместную» каюту... и весь его восторг мгновенно испарился.

Интерьер каюты поражал роскошью. Вместо банальных ламп потолок озаряли редчайшие светящиеся минералы, доставленные из глубин неизведанных миров. Под ногами лежал невероятно мягкий, пушистый ковер, сотканный, если верить слухам, из драгоценных волокон. Стены были облицованы панелями из благородного дерева, источавшего тонкий, едва уловимый аромат. Говорили, что это благовоние не только проясняет разум, но и омолаживает тело.

Но всё пространство каюты занимало ложе поистине исполинских размеров — четыре на три метра. На нем без труда улеглись бы человека четыре.

И самое главное: кровать здесь была всего одна. Единственная на всю комнату.

Цзинь Цин медленно повернулся к спутнику и растерянно моргнул.

«И как нам спать?»

Элвис не выражал ровным счетом никаких эмоций — казалось, перспектива делить ложе с посторонним его ничуть не трогала. Но, заметив замешательство юноши, он всё же не удержался: мягко коснулся его волос и произнес серьезным, успокаивающим тоном:

— Понимаю, ситуация не из приятных. Потерпи, это всего на сутки. К тому же уверяю тебя, я очень чистоплотен.

— Вселенский бог... — выдохнул Цзинь Цин.

«Да разве в чистоплотности дело?!»

Элвис посмотрел на него. В глубине его золотистых глаз промелькнула едва заметная обида. Он опустил взгляд на пушистый ковер. В таких роскошных условиях устроиться на полу действительно не составило бы труда.

Цзинь Цин проследил за его взглядом. Постелить на полу? Само по себе это не пугало, но ведь на космических кораблях ежедневно бывают сотни людей. Ковер мог казаться стерильным, но в его густом ворсе наверняка кишели миллиарды бактерий. А если вспомнить слова Элвиса о безупречной гигиене... Очевидно же, что этот человек склонен к педантичной чистоплотности. Разве можно заставить его спать на полу?

— Что вы, нет-нет! — замахал руками Цзинь Цин. — Вселенский бог, давайте лучше я улягусь на полу.

Элвис посмотрел на него, и в его взгляде сквозило такое горькое разочарование, словно его только что незаслуженно обидели.

— Ты брезгуешь мной? — тихо, сдавленным от подступившей горечи голосом спросил он.

Перед ним стоял Вселенский бог. Его статус казался недостижимым, а внешность — безупречной. На экранах Элвис всегда воплощал образы величественных, хладнокровных героев, не знающих слабости. В представлении миллионов он оставался неприступным идеалом, чью маску безразличия невозможно расколоть. И вдруг этот совершенный мужчина смотрит на него с такой щемящей ранимостью.

У Цзинь Цина болезненно сжалось сердце. Как он мог? Обидеть самого Элвиса! На фоне этого благородного страдания собственное упрямство казалось верхом эгоизма и жестокости.

— Нет, что вы, вовсе нет! Я и не думал брезговать! — поспешно заговорил юноша. — Просто... между нами такая пропасть. Я решил, что вам самому будет некомфортно делить постель с кем-то еще.

Цзинь Цин называл Элвиса «Вселенским богом» вовсе не из вежливости. Он искренне

преклонялся перед его талантом. Изучив всю фильмографию актера, Цзинь Цин убедился: слава Элвиса абсолютно заслужена. Тот снимался нечасто, но каждый созданный им образ оказывался шедевром перевоплощения. В этом и заключалась магия его актерского гения.

Уважительное обращение было данью уважения не только регалиям, но и подлинному мастерству. Цзинь Цин чувствовал себя преданным поклонником, которому внезапно выпал шанс разделить ложе со своим кумиром. Подобные эмоции просто не поддавались описанию.

Элвис едва заметно и мягко улыбнулся.

— Сначала приведи себя в порядок. А потом мы пойдем ужинать.

— Хорошо, я мигом! — с облегчением отозвался Цзинь Цин и поспешил скрыться в ванной комнате, радуясь возможности перевести дух.

Как только за юношей закрылась дверь, Элвис мгновенно перестал выглядеть кротким. В его взгляде вспыхнул холодный расчетливый блеск. Он активировал персональный терминал и связался с Картером.

Ассистент не полетел с ними под предлогом того, что на этот рейс билетов больше не нашлось. В момент вызова он как раз перекраивал рабочий график, пытаясь подстроиться под новые обстоятельства.

— Объясни, что с каютой? — без лишних предисловий потребовал Элвис.

Подобные каюты на космических кораблях предназначались исключительно для влюбленных пар. Они гарантировали абсолютную конфиденциальность, полностью блокируя любые звуки и сканирование извне. Путешествуя в одиночку, Элвис всегда выкупал именно их: во-первых, чтобы спокойно работать, а во-вторых, потому что они надежно изолировали феромоны Альф. Памятуя о некоем инциденте в прошлом, он предпочитал перестраховаться.

Решение взять с собой Цзинь Цина было спонтанным, но актер и подумать не мог, что их поселят вместе.

На экране появился виноватый Картер.

— Прощу прощения, босс, — заговорил он приглушенным голосом. — Сейчас на Земле идут съемки масштабного исторического сериала, из-за чего поток туристов вырос в несколько раз. К моменту покупки билетов свободным оставался только этот люкс. Я ведь уточнял у вас детали, и вы твердо заявили, что рейс должен быть вечерним, чего бы это ни стоило.

Картер внимательно вглядывался в лицо шефа, пытаясь уловить малейшую эмоцию, но безуспешно — великий актер безупречно владел мимикой.

Элвис смерил помощника холодным взглядом. Он понимал, что Картер не стал бы лгать. Он снова вспомнил растерянного Цзинь Цина.

— Хорошо, на первый раз прощаю. Но чтобы это было в последний раз, — сухо обронил он и отключил связь.

Картер отключился, но лишь понимающе усмехнулся. Будь Элвис действительно зол, от его гнева содрогнулся бы весь офис. А столь снисходительный тон означал лишь одно — босс остался крайне доволен этой «оплошностью».

Проработав с Элвисом долгие годы, Картер изучил его характер до мельчайших нюансов. Вокруг признанного гения вечно вились толпы совершенных во всех отношениях людей, но Элвис смотрел на них как на пустое место. И вот наконец-то появился тот, кто сумел задеть струны его сердца, хотя сам босс, похоже, всё еще терзался сомнениями.

Элвис отличался редким упрямством и преданностью своему делу. В свое время он пришел в кинематограф вопреки здравому смыслу: коммерческие проекты приносили ему колоссальные доходы, но ради искусства он раз за разом отодвигал бизнес на второй план. Даже нынешняя деловая поездка на Землю планировалась еще до начала съемок «Решающей битвы на вершине Запретного города», однако ради роли Элвис без колебаний отложил все переговоры.

То, что у их неприступного сына наконец-то появился близкий человек, несказанно обрадует его родителей. А вечно откладываемые дела... Что ж, как любили повторять супруги Чарльзы: денег у Элвиса и так куры не клюют, пусть лучше ищет свой путь и наслаждается жизнью.

Добиться в столь юном возрасте того, о чем простые смертные не смеют мечтать и за сотню жизней — вот она, непреодолимая пропасть между гением и обывателями. Картер тихо вздохнул. Порой он и сам не понимал, награда для него работа на такого человека или же проклятие.

Ресторанный отсек космического корабля

Цзинь Цин уже не раз обедал на борту космических кораблей, но, переступив порог ресторанный зала, невольно замер от изумления.

Видимо, близость конечной цели полета наложила свой отпечаток на дизайн заведения: весь интерьер дышал атмосферой древней Земли. Под потолком покачивались расписные китайские фонарики, источая мягкий теплый свет. В глубине зала возвышалась миниатюрная копия статуи Свободы, а центр каждого стола украшала изящная Эйфелева башня, служившая подставкой для столовых приборов. Пространство ресторана четко делилось надвое: левую половину занимала зона в европейском стиле с соответствующей сервировкой, правую же отвели под воссоздание изысканного восточного колорита. Здесь красовались традиционные

китайские мотивы — изображения сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы, а также атрибуты четырех благородных искусств: каллиграфии, живописи, игры на цине и вэйци. Столешницы из темного дерева покрывала тончайшая резьба.

Расписная деревянная ширма разделяла эти два мира, очерчивая границу между шумом и покоем. Если левая сторона напоминала оживленное европейское бистро, где гости беззаботно смеялись и звенели бокалами, то правая часть походила на уединенный чайный павильон. Переступая эту невидимую черту, люди интуитивно сбавляли тон и двигались плавно, словно боясь ненароком нарушить хрупкую гармонию или повредить музейные экспонаты.

Цзинь Цин окинул взглядом обе зоны и без тени сомнений направился на «восточную» половину. Проходя мимо стендов с классическими реликвиями, он замедлил шаг и принялся с любопытством их разглядывать. Свитки и книги казались безукоризненно новыми, лакированные поверхности глянцево блестели под лучами ламп. В этом глянце и крылось главное отличие от подлинного антиквариата. Технологии будущего позволяли воссоздать любую вещь с точностью до атома, но не умели передать ту благородную патину времени, которая отличает древние раритеты от современных реплик.

Расставленные на столиках древний цинь и резная доска для игры в вэйци выглядели верхом ювелирного искусства, но страдали от того же недостатка — они так же тактильно и визуально кричали о своей новизне. Эти инструменты служили исключительно элементами декора. Помимо роботов-уборщиков, смахивающих с них невидимые пылинки, к ним вряд ли кто-то прикасался.

На душе у Цзинь Цина потеплело от нахлынувшей ностальгии. Когда-то, готовясь к съемкам в очередной исторической драме, он немало времени провел за изучением древних искусств. До высот признанных виртуозов ему, конечно, было далеко, но показать красивую игру в кадре он мог без труда. Уж по крайней мере, он никогда не путал цинь с гучжэном и знал, как правильно держать инструмент.

— Тоже интересуешься этим? — раздался за спиной голос Элвиса.

В его тоне сквозило уже не простое любопытство, а глубокий, пытливый интерес. Неужели все одаренные студенты исторического факультета обладают подобными энциклопедическими знаниями?

Цзинь Цин мягко улыбнулся:

— Немного разбираюсь.

Он протянул руку и слегка коснулся пальцами струн. Сделав несколько плавных, точных движений, он извлек из инструмента чистую, чарующую мелодию.

<http://bllate.org/book/19005/1956525>